

Марк Олейник

Миг

Пьеса

Марк Олейник

Миг. Пьеса

«Издательские решения»

Олейник М.

Миг. Пьеса / М. Олейник — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858577-7

У вас поселился мигрант из одной из южных стран. Это часть государственной программы интеграции, которую курирует ваш лучший друг. Вы совсем не против, потому что вы профессор социологии. А ваша жена — лингвист, знает язык гостя и способна помочь ему выучить ваш. Можно поставить интересный эксперимент. Но что будет дальше? Вы разбираетесь в социологии, но разбираетесь ли вы в людях? В друзьях? В жене? В себе самом? А главное, в том, как поведет себя ваш гость, у которого такое странное имя?

ISBN 978-5-44-858577-7

© Олейник М.

© Издательские решения

Содержание

Первое действие	6
Сцена первая	6
Сцена вторая	10
Сцена третья	14
Сцена четвертая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Миг Пьеса

Марк Олейник

Фотограф Марк Олейник

© Марк Олейник, 2017

© Марк Олейник, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4485-8577-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Действующие лица

Бранин – энергичный человек сорока пяти лет. Полный. Небольшого роста. Профессор социологии.

Ирена – его жена. Внешне привлекательная. По образованию филолог-языковед. Знает несколько иностранных языков, в том числе экзотические.

Миг – гость. Смуглый и симпатичный. Моложе Бранина и Ирены.

Семейные друзья:

Андрей Кревс – высокий, тощий, в очках. Чиновник. Умный, педантичный, с сардоническим чувством юмора.

Коля – меланхолический, странной внешности человек. Художник – творческая личность.

Ева – жена Коли. Выглядит очень наивной.

Дина – решительная и резкая рыжая женщина старше остальных.

Первое действие

Сцена первая

Комната в квартире Бранина и Ирены. Стол, несколько стульев вокруг, с правой стороны диван. На заднем плане – книжные полки, заполненные книгами. Среди них – большой экран телевизора. По сторонам от полок две двери. Еще одна дверь в стене с левой стороны. Ирена сидит за столом, Бранин напротив ее.

Ирена. Ладно. Ты так решил, и я твоя жена. Но очень хотелось бы узнать вот что – имя у него есть хотя бы?

Бранин. Ну что ты? Есть, конечно. Это же не кошка. В смысле, его ведь не в канаве нашли.

Ирена. Отлично. И как же его зовут?

Бранин. Миг.

Ирена. М-да, запомнить несложно, только коротко как-то. А это только имя или фамилия?

Бранин. Кажется, это все.

Ирена *(смеется)*. Немного. Все-таки больше похоже на имя для домашнего любимца. Он хотя бы не царапается?

Бранин. Не знаю. Думаю, что не должен. Зачем ему? Он же собирается здесь жить, и если начнет царапаться, то...

Ирена. Кстати. А сколько этот тип собирается у нас пробыть?

Бранин. Зачем ты называешь его типом? Я ведь сказал, как его зовут.

Ирена *(снова смеется)*. И я... мигом забыла.

Бранин. Очень остроумно. Человек перенес лишения, бежал. Настродался, наверное. А ты веселишься.

Ирена. Я не смеюсь. Я просто хочу заранее выяснить детали, знаешь, чтобы потом не плакать. Прямо скажу – мне эта затея совсем не нравится. Если тебе хочется кого-нибудь поселить у нас, давай хотя бы устроим конкурс. Выберем кого-нибудь попримечнее. Ну, или вот у моей троюродной тетки, по-моему, есть пара сыновей – мои племянники. Правда, оба пока в тюрьме. Но выйдут же.

Бранин. Какая тетка? Первый раз слышу.

Ирена *(вновь смеется)*. Я тебя разыгрываю. Нет у меня никакой тетки. А теперь давай все по порядку.

Бранин. Хорошо. Дело было так.

Свет начинает гаснуть. Бранин расхаживает по комнате, жестикулирует, что-то рассказывает, но звука нет. Свет окончательно гаснет на несколько секунд, а когда загорается, то на сцене Бранин в одиночестве сидит на диване.

Бранин. Очень странный звонок.

Дверь открывается и входит Андрей Кревс. Высокий, в очках и с портфелем.

Бранин (*вставая и протягивая руку*). Привет! Я тут размышляю, как к своим прогнозам относятся синоптики – с юмором или без. Интересная такая профессия – пытаться угадать, что будет завтра. Как будто с богом в покер играть.

Кревс (*хмуро*). Метеорология – это социальная наука. Она нужна не для того, чтобы знать, надевать макинтош или нет. Это легко узнать и без посторонней помощи, просто выглянув в окно. А метеорология нужна для того, чтобы ты думал, что мы контролируем все. Например, наводнения. Так людям легче жить.

Бранин (*весело*). В таком случае – все науки социальные. Надо бы написать такую работу: «Социальная составляющая естественнонаучного контента».

Кревс (*в первый раз улыбаясь*). Какое высокоученное название! Все-таки из тебя вышел первоклассный профессор. Кстати, а как ты сам относишься к достижениям своей науки? С юмором или без?

Бранин (*тоже улыбаясь*). Социология насыщена юмором. Мы же изучаем человеческое общество, а люди, надо сказать, как были папуасами, так многие и остались.

Кревс. Не очень-то ты модно высказываешься. Я имею в виду папуасов. Их не модно сейчас недолюбливать. Всех тех, кто от нас отличается.

Бранин. М-м-м. Штука не в том, чтобы долюбливать или нет. Самое главное – это не считать их равными.

Кревс. Как интересно. (*Кладя портфель на стул и подходя к полкам с книгами, поворачиваясь спиной к залу.*) Ты хочешь сказать, что люди не равны между собой?

Бранин. Естественно. Никто с этим, кстати говоря, и не спорит. Потому что ты, например, высокий и тощий, а я – маленький и толстый. Ты крупный чиновник, начальник управления, а я – профессор социологии. У тебя очки на носу и сардоническое чувство юмора, а у меня зрение нормальное и юмор... тоже обычный. А есть еще папуасы, которые ни про твою службу, ни про мою науку никогда не слышали. Для них многие вещи просто не существуют. Впрочем, как и для нас с тобой.

Кревс. То есть, прости... Это даже интересно... Ты, профессор социологии, утверждаешь, что люди неравны. Когда общепринятая точка зрения – совсем обратная. Люди – одинаковы.

Бранин. Ты, знаешь, право слово, как дитя. Вот смотри – у тебя много подчиненных, департаменты, клерки с папками, секретарши...

Кревс. Куда без них.

Бранин. И при этом, согласишься, они все разные.

Кревс. Кто? Клерки?

Бранин. Ну, и секретарши. С этими... чулками, или что там у них еще есть... Они все разные. Есть похуже, но есть ведь и получше – ты следишь за моей мыслью?

Кревс. Противно слушать. Это же какая-то банальность. При чем тут чулки?

Бранин. Ни при чем, кроме того, что вот папуасы про чулки никогда не слышали.

Кревс. Естественно. У них ведь жарко.

Бранин. И это тоже. Но что важно: чулки – штука совсем, прямо скажем, непростая, я вот лично не знаю, как их сделать. Но даже не это самое главное. Все определяется степенью того, что расплывчато называется цивилизованностью.

Кревс (*усаживаясь за стол*). Опять. Ты меня сегодня буквально бомбардируешь трюизмами. Я попал под обстрел из прописных истин. Сейчас ты скажешь, что мужчины непохожи на женщин.

Бранин. Дослушай, пожалуйста. (*Тоже усаживается за стол.*) Дело в том, что цивилизованность – на самом деле, не такая уж расплывчатая вещь. Цивилизованность – это степень ответственности, степень взрослости.

Кревс. Это, знаешь, из области семьи. Когда младший обязательно слушает старшего. Но, во-первых, младший может считать по-другому и, например, съесть старшего, как аборигены Кука. А во-вторых, сейчас принято как раз в цивилизованном обществе давать ребенку право на защиту, если взрослый, так сложилось, идиот и тиранит, например, собственного сына или дочку.

Бранин. За что должен быть наказан. И накажет его общество, если оно как раз цивилизованное. Движет обществом тот мотив, что этот взрослый вел себя крайне безответственно, что он – не взрослый.

Кревс. То есть ты хочешь сказать, что весь мир живет по законам патернализма?

Бранин. Пытается, если ты имеешь в виду, что у более ответственных, умных, образованных, смотри – цивилизованных должно быть больше прав.

Кревс (*вставая в веселом возбуждении*). Ты, наверное, забыл время, когда учился в школе. Я именно тогда ясно и с огорчением понял, что люди, а самое главное – барышни интересуются самыми сильными, самыми красивыми, самыми богатыми, когда, что естественно, интересоваться они должны были бы только мною. Потому что я-то точно знал, что я самый умный. Ну, и ответственный. Я уже не говорю про медицину.

Бранин. Ты меня все равно не переубедишь. И вот, кстати, совершенно отлично, что ты сейчас вспомнил про медицину. Потому что давай сейчас выйдем на улицу и спросим у ста человек: как бы они хотели – чтобы врач отвечал за них полностью или чтобы сам человек, в смысле, пациент, должен был решать, оперировать его или лучше подождать? Уверяю, если речь пойдет о насморке, какие-то идеи еще будут, но вот если что-нибудь серьезное...

Кревс (*улыбаясь*). Как хорошо, что жизнь – это все-таки не балансирование на краю бездны. Как хорошо, что все-таки она состоит по большей части из насморков.

Бранин. Опять не соглашусь. Нам не дано знать, во что выльются наши сегодняшние поступки. Поэтому я за патернализм. Конечно, в хорошем смысле. Я за ответственность.

Кревс (*кивает*). Ну, как начальник управления, как чиновник, я не могу с тобой не согласиться. Но вот бывает же, что эта самая ответственность вступает в конфликт со страстью, например. Вспомни хотя бы «Отелло».

Бранин. Там как раз все хорошо. Ведь кто такой был этот мавр? Он прежде всего военный начальник. А Яго – его помощник, Кассио – офицер. Снаружи кажется, что ему от ревности Кассио вроде бы зарезать надо, или потом вот Яго от ярости, так нет же – он душит Дездемону. Почему – потому что он ответственный военный начальник и ему не зря жалованье платят. Он бережет солдат, значит, службу хорошо знает. А жена что – сегодня одна, завтра другая. Жалко, что, конечно, он себя заколол в результате. Очень безответственно.

Кревс. Ты шутишь, но если я еще раз услышу это слово, то...

Бранин. Ты поступишь (*хохоча*) ... крайне... (*быстро двигаясь по комнате, как бы спасаясь от Кревса, хотя тот и не преследует особо*) я бы сказал, в высшей степени...

Кревс (*махнув рукой и рушась на диван*). Стой, хватит. Очень удачно, что ты так на этой своей... ответственности настаиваешь. Скажи – ты ведь как профессор, как заведующий кафедрой, у которого преподаватели, масса студентов, всякие важные обязательства... следовательно, ты...

Бранин. Надеюсь (*притворно скромно улыбаясь*).

Кревс. Выходит, я нашел того, кто нужен. Итак...

Свет начинает гаснуть. Бранин и Кревс сидят напротив друга, Бранин внимательно слушает, но звука нет. Свет гаснет окончательно, а когда возникает, Бранин расхаживает, а Ирена слушает его, сидя за столом.

Бранин. Вот так все и было.

Ирена (*констатируя*). Выходит, Андрей тебе подсунул папуаса.

Бранин (*всплескивая руками*). Ну что же за неточность такая! Я ведь понятия не имею, кто он. Может, вовсе и не папуас. А вот хотя бы и папуас – какая разница?!

Ирена (*выдержав паузу, вроде бы в серьезном раздумье*). А кстати... кто там... Кука съел?

Бранин (*гневно*). Глупости! (*Тут же начинает смеяться.*) Меня съедят первым. Я такой – толстенький! Если он меня сразу не зажарит целиком, а будет есть сырым, откусывая понемногу каждый день, тогда у меня есть шанс дочитать курс в этом семестре.

Ирена (*тоже смеется*). Стоп! Хватит! Прекрати! Скажи мне серьезно, когда этот Миг у нас объявится?

Бранин (*успокаиваясь*). Вроде бы завтра. (*Продолжая с энтузиазмом.*) Я бы, конечно, не согласился, но, понимаешь, это же очень заманчиво – у нас дома будет совершенно чужой человек... Тем более что у нас такой узкий круг общения... всего четверо друзей и...

Ирена (*перебивая*). Удивительное везение.

Бранин (*споря и уговаривая*). Послушай. Совершенно чужой человек, который вроде бы как инопланетянин. Мало того что мы и он друг о друге ничего не знаем, но еще у нас разные обычаи, разные представления обо всем...

Ирена. А он нас ночью не зарежет?

Бранин. Разные... Почему зарежет? Он же не сумасшедший. Он сбежал от неприятностей. Зачем ему новые? А мы сможем поставить удивительный социологический эксперимент по взаимопроникновению культур. По приобщению к цивилизации. Он станет новой Галатеей! А я...

Ирена. Пигмалионом. Но он же вроде мужчина. Какая же из него Галатея?

Бранин (*неожиданно задумавшись*). Да? Он будет условной Галатеей. (*Отвлекишись.*) А ты наконец применишь на практике свои лингвистические способности. Ты закончила университет. Выучила четыре языка. Научишь хотя бы одному того, кто в этом прямо нуждается. К тому же ты все время жаловалась, что у нас так редко кто-то бывает... Он научится жить как мы. Он станет таким же, как мы.

Ирена. А зачем? Он же уже есть. Ты думаешь, что в теперешнем виде он сам себя не устраивает?

Бранин. Он станет счастлив. Мы дадим ему счастье.

Ирена. А если ему нужно что-нибудь другое?

Бранин. Что? (*Вставая, подходя к жене и целуя ее.*) Все хотят счастья. Я социолог, я знаю.

Ирена (*с улыбкой и нежностью глядя на мужа*). Ты знаешь, я, кажется, знаю, что мне надо для счастья. Я очень хочу спать.

Бранин (*энергично потирая руки*). Да. Утром его доставят. Кревс обещал, что я успею на лекцию без опоздания.

Ирена. Значит, надо приготовить комнату. Или он привык спать на ветке?

Конец первой сцены

Сцена вторая

Прежняя комната. За столом, что в середине, сидит Ирена. Читает книгу, делает пометки в тетради, сосредоточена. Раздается звонок в дверь, и на сцене появляется Ева. Невысокая, с ясными, круглыми, несколько наивными глазами, за которыми иногда мелькает ум или настороженность. Маленькая, с короткой светловолосой стрижкой.

Ева (с легкой тревогой). Ничего, что я зашла? Ты не очень занята?

Ирена (вставая и улыбаясь). Нет, конечно. Проходи, раздевайся. Что – на улице дождь?

Ева (улыбаясь в ответ). Ну да, сегодня идет дождь и... знаешь, одна неприятность за другой.

Ирена (переставая улыбаться). Что случилось?

Ева (не переставая улыбаться и проходя в комнату к столу). Мой Коля опять потерял работу.

Ирена (делая приглашающий жест и сама опускаясь на стул). Действительно, неприятно. Но он ведь только устроился?

Ева. Он же художник.

Ирена. Я знаю.

Ева. Он талантливый художник.

Ирена. Да, конечно. Последняя выставка, которую ты организовала, была очень интересная.

Ева (вздыхая с горькой на этот раз улыбкой). Да, все было очень хорошо, но опять ничего не купили.

Ирена. Было очень весело.

Ева. Да, очень весело, но тем не менее, ему пришлось устроиться на работу. Сантехником.

Ирена (осторожно). А разве он в этом, э-э-э, разбирается?

Ева. Теоретически. Поэтому его взяли подручным. Представляешь, в его-то возрасте?

Ирена. Ну и что же дальше? Выставка была две недели назад. То есть... не могли же его так быстро уволить?

Ева (твердо). Смогли. Сказали, что у него недостаточно сильные руки для этой работы. Это напарник его сказал. Я же думаю, что он просто не понравился. У сантехников, так сказать, свой клуб. И художникам там делать нечего. Он там чужой.

Ирена (с сочувствием). Я поговорю с Браниным. Может быть, он сможет помочь найти какое-нибудь место.

Ева. Спасибо большое! А ты сегодня читала об эксперименте?

Ирена (с недоумением). Нет? Что за эксперимент?

Ева (с воодушевлением). Как, разве ты не слышала? Весь город только об этом и говорит.

Ирена (по-прежнему недоумевающая). И с чем же мы все... экспериментируем? Или мы подопытные?

Ева (машет рукой, смущенно смеется). Я просто подумала, что есть храбрые люди. Ведь всех этих приезжих – ты понимаешь, о ком я говорю – обычно размещают – не знаю, как это называется – в каких-то лагерях, что ли. А эксперимент в том, чтобы сразу селить их в обычные семьи. Ухаживать там за ними. На это выделены деньги. Хотя, я считаю, лучше бы выделили деньги для Коли. Там как-то подробно обо всем было написано. То есть какой в этом смысл.

Ирена. Смысл мы потребуем объяснить нашего дорогого профессора.

Ева (испуганно). Ой! Я что-то не то сказала?

Ирена. Все отлично. В конечном итоге, так или иначе, все мы участвуем в каком-то большом эксперименте.

Звонок в дверь. В комнату входит Дина – коротенькая полная энергичная женщина с рыжими волосами и большой красной сумкой.

Дина (возмущенно). Я уверена, что эта идиотская затея – выдумка наших чиновников! Конкретно вот этого – нашего Кревса!

Ирена (улыбаясь). А чем тебе Андрей не угодил?

Дина (устраиваясь за столом, на который поставила сумку, сразу занимающую центральное место). Я чувствую себя как комок нервов!

Ева (осторожно). Может быть, попробовать диету?

Дина (испеляя ее взглядом). Глупости! Я ем своевременно! (Обращаясь к Ирене.) Но не собираюсь кормить всяких приезжих оборванцев! Которые теперь будут выглядывать из каждой щели. Нет! (С возмущением.) Вы только вообразите – они решили, что, видите ли, так будет безопаснее и, вот послушайте, «более продуманно» – ! – расселять беженцев в семьях нормальных людей!

Ева (осторожно). А приезжие – они нормальные?

Дина (фыркая). Можно подумать, что мир населен нормальными людьми. Мир, позволю заметить, населен по большей части именно идиотами. Часть из которых примчалась сюда, потому что дома они довели все до ручки. Не от большого ума, между прочим. И (ехидно разглядывая Еву) не думаю, что вы когда-нибудь мечтали о таком госте.

Ирена (спокойно улыбаясь). У нас.

Ева и Дина (в два голоса). Что?

Ирена (вставая и ставя книгу, которую держала в руках, на полку; после паузы развернувшись). Он уже здесь. С сегодняшнего утра. Находится в соседней комнате.

Немая сцена. Подруги переглядываются, не находя, что сказать.

Ева (снова осторожно). А Бранин знает?

Дина (приходя в себя). Ну, тоже ты скажешь. Его ведь не могли сюда подсунуть как-то незаметно. А... следовательно, это мужчина, правильно? Ты сказала «он».

Ева (зачарованно). Как интересно. Что же он делает?

Дверь распахивается, и в комнате появляется Бранин в сопровождении Коли. У того лицо в стиле «крушение всех надежд», поношенный, но чистый костюм, мешки под глазами, в руках авоська.

Бранин (энергично, как видно, продолжая разговор с Колей). Понимаешь, дорогой мой, тенденция – это как потенция. Либо она есть, либо ее нет! Поэтому если у нас есть потенция, тогда мы можем... (Обнаруживая всю компанию, снижая тон.) Тогда мы о-го-го чего можем!

Ирена (развеселясь). Ты сейчас сказал пошлость. Научнообразную пошлость.

Бранин (притворно смущаясь). Это от неожиданности. (Проходит вместе с Колей в комнату, раскланивается.) Я просто имел в виду вызовы, которые нам демонстрирует эпоха.

Дина (хмыкая). Вот-вот, почему-то эпохи меняются, но предмет демонстрации один и тот же.

Ева (с укоризной). Не надо. Вы что как сговорились? (С нежностью обращаясь к Коле.) Что случилось?

Коля (мрачно). Я потерял деньги.

Бранин (*ободряюще*). Нет, мой друг, давайте скажем правду. Их у тебя вытащили.

Ева (*с испугом*). Кто?

Коля (*с раздражением*). Не знаю. Чернявый, маленький такой.

Дина. Чернявый гном?

Коля (*еще больше раздражаясь*). Почему гном?! Какой-то чернявый мальчишка. Похож на цыганенка.

Дина (*веско*). Ничего не цыганенок. Ты наших цыганят не трогай, пожалуйста! Я тебе скажу, кто это был. Это какой-нибудь юный сириец, курд, палестинец или еще какой-то дьявол. Я вообще против того, чтобы к нам привозили мигрантов, но самое главное, если уж мы кого-то пускаем, это отменить объединение семей. Под этим соусом к нам проникнет не только туча маленьких воришек, но еще и прекрасные детородного возраста женщины, которые живо настрогают курчавых Пиноккио с избытком. Которые станут лазать по нашим карманам, уже будучи полноценными гражданами страны.

Бранин (*специальным «профессорским» голосом*). Возникновение предпочтений у предков современных кочевых народов, безусловно, до конца не исследовано. Однако следует признать, что устойчивые особенности их быта так же безусловно являются более долговечными, чем все без исключения государственные образования, которые существовали до сих пор.

Дина (*задумчиво*). То есть эти маленькие черненькие человечки рыскали по нашим карманам последние несколько тысяч лет, а сейчас просто поддерживают традицию.

Коля (*разволновавшись*). Я не понимаю, о чем ты говоришь! Неважно кто это был – это такие же люди, как мы. Разве имеет значение, кто у меня вытащил деньги?! Может быть, ему есть нечего было?!

Дина (*грубо*). Успокойся. Теперь кто-кто, а он уже сыт. Ты его, так сказать, накормил.

Бранин (*успокаивающе*). Минуточку, минуточку, господа. Мы как-то слишком распались.

Дина (*в утихающем, но все еще прежнем запале*). Как тут не распалиться, когда на подмогу нашим бездельникам доставили кучу импортных? Как будто у нас недостаток! Так хотя бы везли бы из каких-то похожих стран.

Бранин (*делая успокаивающие жесты*). Видите ли (*обращаясь ко всем*), так все устроено в современном мире – информация проникает повсеместно, и сложно сохранить самые закрытые прежде социумы в неведении.

Дина (*уже спокойно*). В неведении, что где-то можно ни черта не делать.

Бранин. Неправда, посмотрите на примеры, которые вокруг нас. Я знаю прекрасных людей, которые приехали и стали здесь совершенно счастливы, потому что одна их жизнь закончилась, а началась другая. У этих людей две жизни, и в качестве второй они выбрали такую жизнь, как наша с вами.

Дина (*махнув рукой*). Я же говорю – идиоты. Нашли что выбирать. Лучше бы выращивали свои помидоры.

Ева (*с интересом, обращаясь к Ирине*). А что... ваш гость... садовод?

Ирина (*рассеянно*). Я не знаю.

Ева. Как интересно. (*Округляет глаза.*) А если он какой-нибудь преступник?

Коля (*раздраженно*). Зачем ты говоришь чепуху? Конечно же, всех проверяют, прежде чем пускать в страну. А если относиться ко всем с таким недоверием, то это будет обыкновенный фашизм!

Дина. Не могу слушать эту галиматью. Какой же это фашизм, когда взрослый дяденька вдруг объявляет, что дома у него все кончилось пшиком и теперь кто-то его ценный организм должен содержать в холе и неге? Ну, не должен взрослый мужчина получать что-то даром только потому, что попал в сложные обстоятельства. Не сложилось на родине – выучивай другой язык, обзаводись профессией, которая нужна в другом месте, и милости просим, приез-

жай работать, я повторяю – работать, а не баклуши бить. Поэтому первое, что надо сделать, это уменьшить пособия для мигрантов до минимума, а бесплатную медицину для них вообще отменить.

Бранин (*умиротворяюще*). Конечно, ты права. Я думаю точно так же. Ну, или примерно так же. Скажем, как показывают полевые исследования, подавляющая часть людей думает именно так. Это, как бы сказать, основа. Теория. Но на практике, видишь ли, что делать – никто ведь толком не понимает. Мы все стоим, так сказать, на пороге неизвестного.

Дина (*начав расхаживать взад и вперед*). Спросите меня, если не знаете. А если не хотите, то и живите с ними сами. Те, кто это придумал. Живите с ними, с этими...

Ирена (*успокаивающе заканчивая фразу*). ...людьми.

Коля (*в упор глядя на Дину*). Людьми. (*К Дине*.) Ты рассуждаешь как...

Бранин (*коротко взмахнув рукой и решительно опустив ее*). Конечно, людьми, и обратного пути у нас нет.

Дина (*в удивленном, но утихающем возмущении*). Как удивительно много прекраснодушных людей в одном месте. Но... но тогда давайте хотя бы на него посмотрим.

Бранин (*весело*). Что может быть проще! Итак, на сцене появляется... (*Подходит к двери рядом с книжными полками, открывает, скрывается внутри и тут же возвращается в комнату, ведя за руку человека с курчавыми пышными волосами, выдающимся носом. Тот одет в обычные брюки, тапки и белую рубашку*.) Вуаля! (*Поднимает руку незнакомца вверх, словно у победителя на боксерском матче*).

Все молчат, с интересом рассматривая незнакомца, образовав две группы по краям стола, за которым в центре находится он и Бранин.

Ева (*мечтательно, вполголоса*). Симпатичный. (*Поворачиваясь к мужу*.) Но ты лучше.

Коля (*хмуро*). Да обычный человек. Просто видно, что с юга.

Дина (*тоже хмуро*). А он разговаривает? (*Обращаясь к незнакомцу*.) Скажите что-нибудь. Скажите «а».

Миг (*освобождая руку, опуская ее, улыбается*). А.

Дина (*с удовлетворением*). Убедительно. (*Обращаясь к Бранину*.) Это все, что он может?

Ева. Странно, как можно куда-то ехать, даже не зная языка.

Коля (*с тихой горячностью*). Нельзя требовать, чтобы все говорили на твоём языке.

Ирена. Не все так плохо. По-крайней мере, мы знаем, как его зовут.

Дина. Ну, и как же?

Ирена (*глядя на незнакомца*). Миг. (*Миг широко и обаятельно улыбается, после чего, слегка поклонившись, возвращается в свою комнату, закрывая дверь. Некоторое время царит молчание. Все сначала осторожно, потом со все более разными выражениями на лицах обмениваются взглядами*.)

Дина (*поворачиваясь к залу после длинной паузы*). Амиг? Феноменально!

Конец второй сцены

Сцена третья

Обстановка гостиной прежняя, но теперь правая сторона, там, где находится диван, затемнена. За столом Коля и Ирена.

Коля (*унылым тоном*). У меня появилась идея.

Ирена (*подбадривающе*). Очень хорошо. Что ты придумал?

Коля (*потирая подбородок*). Да я про день рождения Бранина. Надо же ему что-нибудь подарить, наверное? Ева говорит, что она может испечь торт...

Ирена (*улыбается*). Хорошая мысль, но он как раз сейчас на диете, так что торт достанется мне, всем нам, но не ему. В этот раз, кажется, он взялся за себя всерьез.

Коля (*так же уныло*). Я знаю, что у него очень сильная воля. Если он сказал, что не будет есть торт, значит не будет.

Ирена (*участливо*). Не расстраивайся, пожалуйста. Давай я у него потихоньку спрошу, о чем он мечтает. Ну, или что ему нужно, а вы подарите.

Коля. А что ему нужно?

Ирена. Не знаю. Может быть, какая-нибудь обычная вещь, знаешь, про которую все время вспоминаешь, а потом... все время забываешь.

Коля. Ты имеешь в виду что-нибудь вроде подтяжек? В том смысле, что вспоминаешь о них, только когда брюки сваливаются.

Ирена. Можно и так сказать.

Коля. Это против моих принципов.

Ирена (*внимательно*). Это почему еще?

Коля (*несколько торжественно*). Понимаешь, твой Бранин – это один из моих близких друзей, а, следовательно, я не могу дарить ему непонятно что.

Ирена. Почему непонятно что? Я же сказала – именно то как раз, что ему в первую или во вторую, но не в последнюю очередь нужно.

Коля (*торжественно*). Я его близкий друг и поэтому могу подарить ему только то, что просит его внутренняя сущность, что просит его душа.

Ирена (*миролюбиво*). Тоже неплохо. А что просит его душа? Я бы тоже не прочь это узнать.

Коля. Ты смеешься. А я думаю написать для него портрет.

Ирена (*быстро*). Стоп. Ты ведь написал уже пять его портретов. Я как-то не уверена, что ему для душевного покоя как раз не хватает шестого.

Коля (*в первый раз улыбаясь несколько грустно*). Я знаю. Я хочу подарить ему портрет другого человека.

Ирена. Ты имеешь в виду меня? Но у нас уже тоже есть несколько...

Коля (*раздражаясь*). Нет, конечно. Это будет портрет, картина того, что сейчас занимает его внутренний мир, портрет того, что даст разгадку.

Ирена. Ты поставил меня в тупик.

Коля (*торжественно*). Я подарю ему портрет Мига.

Ирена (*после довольно продолжительного молчания*). Но... видишь ли, хотя ты и пишешь в абстрактной манере, я думаю... что тебе, скорее всего, понадобится, чтобы наш... гость тебе позировал. Разве нет? Ведь ты видел его всего один... миг.

Коля (*оживляясь*). Это совершенно не важно. Потому что я очень хорошо понял, что это за человек.

Ирена (*осторожно*). Прости, но как же... что ты мог понять, ведь он сказал всего два слова?

Коля (*чуть самодовольно*). Фактура. Понимаешь, я ведь художник. Я действительно за один миг, только взглянув на человека, могу во всем разобраться.

Ирена (*с интересом*). И что же ты увидел? Как ты можешь его описать? Кто он?

В правой половине комнаты возникает свет, но что там – разобрать по-прежнему невозможно.

Коля (*с воодушевлением*). Это благородный человек. Возможно, даже герой. Он боролся против несправедливого режима в своей стране, и его поместили в застенки. Он бежал оттуда...

Ирена. По приставной лестнице?

Коля (*опешив*). Что?

Ирена. Или по подвесной?

Коля. Ты что – шутишь? Как ты можешь шутить по такому поводу?!

Ирена (*хладнокровно*). Прости, но я не граф Монте-Кристо. Я никогда не бежала из плена. Но хорошо – предположим, он сделал подкоп, долго рыл... и оказался у нас в стране.

Коля (*выпрямляясь и сверкая глазами*). Ну, это просто ни в какие ворота! Ты смеешься надо мной!

Ирена. Прости. Я очень внимательно слушаю.

Коля (*все еще недоверчиво поглядывая на Ирену*). Ну так вот. На чем я остановился? Теперь про его лицо. Пережитые несчастья отразились на нем. Отсюда глубокие носогубные складки, морщины на лбу, поседевшие волосы.

Ирена. По-моему, он не седой. (*Извиняющимся тоном.*) Возможно, я его вижу чаще, чем ты. Он вполне молодой человек.

Коля (*делая рукой категорический жест*). Я это и имею в виду. Он молод, но многое перенес. Я напишу его тревожным желтым и кровавой киноварью. Зеленый будет означать его тягу к жизни, а грязно-розовый – метания перед тем, как навсегда покинуть родину. Его лицо я изображу, как будто оно было обычным отражением в зеркале, потому что он смотрит на себя со стороны и обнаруживает в себе нового человека, хотя черты лица остаются старыми. И он разбивает зеркало! (*С воодушевлением.*) В этом портрете будет много острых углов, потому что из них состоит его жизнь!

Ирена (*всплескивая руками*). Ты меня пугаешь!

Звонок в дверь, а когда Ирена открывает ее, на пороге Ева. Входит.

Ева (*с милой улыбкой*). Что у вас тут происходит? Ты извини (*обращаясь к Ирене*), что я у вас свидание назначила. Решила повидаться, потому что мы были у вас целых две недели назад. Я соскучилась. Заодно хотела спросить, что подарить твоему Бранину.

Ирена. А мы как раз это обсуждаем. Вот Коля решил написать портрет нашего гостя.

Ева (*мило улыбаясь Коле*). Какой ты умница. Ты мне ничего не говорил.

Коля (*устало машет рукой*). Дело не в этом. Вот она (*показывает на Ирену*) не верит, что я смог запомнить и понять все про Мига.

Ева (*осторожно*). А может быть, он все-таки Амиго? Ну, в смысле – «друг». Это, кажется, по-испански.

Коля (*с раздражением*). Ну и что?

Ева (*по-прежнему осторожно*). Ну, тогда получается, что он откуда-нибудь оттуда. Он показался мне очень романтичным. То есть я беженцев не люблю, но этот – исключение. Наверное, играет на гитаре.

Коля (*по-прежнему с раздражением*). Гитары я что-то не заметил.

Ева. Я в общем смысле. Гитара с алой лентой. Это символ любви и гармонии. Он, наверное, расстался со своей возлюбленной, и когда самолет взлетал...

Коля. ... жаркий ветер сушил ее слезы на платочке, которым она махала ему вслед. Какая пошлость! У героев не может быть возлюбленных! Потому что герой – это творец! Сила его жизни преобразовывает мир. В котором нет этих пеленок с бантиками и обедов из трех блюд.

Ева (*встревожась и обращаясь к Ирине*). А что он не кушает? Я слышала, у них там есть всякие ограничения.

Коля (*стонет*). Зачем ему есть?!

Ева. Ну как же... герои, они ведь тоже...

Коля. О господи!

Свет во второй половине комнаты немного усиливается, и становится видно силуэт человека на диване. Раздается звонок в дверь. Дверь открывается, и входит Кревс, и сразу следом за ним Дина.

Кревс. Кто тут говорил про еду? Я продрог, я устал. И лучше бы сел, нежели встал. Хотя даже стоя, поел бы чего-нибудь. (*Обращаясь ко всем.*) Здравствуйте!

Ирена (*поднимаясь и улыбаясь*). Здравствуй! Раздевайся и проходи, я сейчас тебя покормлю.

Дина (*подходя к Ирине и обнимая ее*). У тебя очень доброе сердце, поэтому от чашки кофе я тоже не откажусь. (*Обращаясь к Коле и Еве.*) Что приуныли, голуби?

Ева (*обворочительно улыбаясь и обращаясь к Дине*). Какое у тебя красивое платье! Оно тебя стройнит. Я имела в виду – оттеняет.

Дина (*грубовато*). Любого человека, даже женщину, а вернее всего, именно женщину, оттеняет ум, а не кудряшки.

Кревс (*принимаясь за суп, тарелку которого приносит ему Ирена*). Кудряшки тоже иногда неплохо.

Дина (*категорично*). Хорошо, когда под кудряшками есть хотя бы одна букашка. Я имею в виду мысли. (*К Кревсу.*) Раз мы сегодня разговариваем стихами.

Ева (*обращаясь к Ирине и Кревсу*). А вот те, которые... словом, приезжие... их кто-нибудь проверяет? В смысле болезней?

Кревс (*продолжая есть суп, утвердительно кивает*). Да, все в порядке. Никаких букашек не допускается.

Дина. Об этом уже поздно беспокоиться теперь. За две недели, что он здесь, бубонная чума успела бы распространиться по всему городу. Вылетело из головы – собственно, а как его зовут?

Ирена (*подавая чашку с кофе*). Миг.

Дина. Он так незаметно мелькнул. Действительно, подходящее имя. Правда, внешне я его хорошо запомнила. Особенно эти маленькие хитрые глаза.

Коля. У него глаза очень честного человека. Потому что он борец.

Ева. Большие и романтические. Длинные ресницы. Вот если бы все беженцы были такими...

Кревс (*в удивлении отрываясь от супа*). Да вы что? У него самые обычные глаза.

Дина. Хитрые, нос бананом – а это, как известно, признак сладострастия. И порочные губы вареником. Мне он вообще показался похожим на спекулянта. Жулик из Леванта.

Ева. А что такое Левант?

Дина. А это такое место, милочка, откуда к нам без счета везут ваших романтических героев с длинными ресницами.

Кревс (*продолжая есть*). Что вы фантазируете на ровном месте, честное слово! Никакой он не жулик, а инженер. Что-то там связанное с авиацией. Семьи у него как будто нет, во всяком случае, он никого не указал в анкете. В тюрьме не сидел, пыткам не подвергался, в боевых действиях не участвовал. С режимом не боролся.

Дина. Так что он тогда здесь делает?

Кревс (*протягивая пустую тарелку Ирине*). Спасибо! У него в стране кризис. Он остался без работы и вряд ли снова ее там найдет. Плюс – там начались беспорядки. Все эти глупости со стрельбой.

Ева (*с жалостью*). Бедняжка, он потерял работу, остался без денег.

Коля (*мрачно*). Напоминаю, что я тоже без работы.

Ева. Наших, конечно, больше жалко. Все вы такие бедняжки.

Дина. У бедняжки пустые кармашки.

Свет во второй половине еще усиливается, и становится видно, что на диване лицом к столу, за которым происходит разговор, сидит мужчина в белой рубашке. Голова опущена, лицо закрыто ладонями. В комнату входит Бранин.

Бранин (*воодушевленно*). Здравствуйте, друзья! Я вижу, все общество в сборе. (*Раздевается.*) Что обсуждаете?

Коля. Превратности судьбы.

Дина. Дудки! Мы обсуждаем, как выглядит ваш так называемый гость. Мнения разошлись. Если сложить все вместе, то получится пылкий борец за неведомые идеалы, инженер с гитарой в руке и длинными ресницами. Хотя я буду настаивать, что он жулик. И зря вы его пустили. В сотый раз повторяю – взрослым мужчинам нельзя давать ничего бесплатно. Рекомендую пересчитывать ложки. В широком смысле, конечно.

Бранин (*смеется*). Ну, это тыхватила! У нас ему и брать-то нечего. Разве что какой-нибудь труд по социологии или философии. На что они ему?

Кревс (*кивает*). Ну да. Я ведь уже сказал, что он инженер.

Ева (*обращаясь к своему мужу*). А ведь ты тоже когда-то немного учился на инженера, правда?

Дина. И бросил. Небось, потому, что деньги зарабатывать надо было? Хотя государству просто надо было тебя поддержать, а не привозить неизвестного чужака. Надо поддерживать своих, а не сомнительных личностей с юга.

Бранин. Это очень интересно. (*К Дине.*) А почему ты решила, что он... м-м-м... недостойный человек?

Коля. Ей не понравились его глаза, хотя это ошибка.

Дина. Да при чем здесь глаза?! В доме живет неизвестный. Это не человек – это ящик Пандоры. При том что этот ящик еще и с религиозной начинкой, скорее всего.

Кревс. Внутри, полагаю, там все как и у нас. Потом, мы по возможности проверяем принадлежность приезжих к радикальным организациям.

Коля (*со страстным недоумением*). Как можно не доверять людям?

Дина (*обрушиваясь*). Можно и нужно! Вы все не хуже меня знаете, что такое исламский радикализм. А если вы, мой милый, поглядите вокруг, то поймете, что не все так стерильно, как вам, возможно, кажется! Вокруг полно и просто проходимцев – здесь, вокруг нас. (*Обращаясь к Бранину.*) Вот скажи мне, будь любезен, будучи знаком со многими людьми, всех ли бы ты впустил даже не в собственную квартиру, а в страну, будь твоя воля?

Бранин (*хохочет*). Ты права, я знаю таких субъектов, которых я бы и на пушечный, на любой другой выстрел не подпустил бы!

Все начинают говорить, перебивая друг друга, текст – отрывки предыдущих фраз. Свет во всей комнате полный. Человек в белой рубашке по-прежнему сидит, закрыв лицо руками.

Ирена (*громко*). Подождите! Я прошу вас!

Ева (*взволнованно*). Что случилось? Он признался тебе, что он террорист? Поэтому тебе плохо?

Ирена. Все в порядке. Мне хорошо. Просто я каждый день занимаюсь с ним языком, а сегодня он сказал, что немного учил его прежде.

Кревс. Да, об этом он указал в анкете.

Дина. Прелестно. Значит он нас не только слышал, но и понимал. Может быть, его вообще к нам заслали?

Ева. Да? А зачем? Он хочет сделать нам что-то плохое?

Бранин. Ничего страшного. Мы его приняли, мы им интересуемся, мы ему не враги. А если у него такие прекрасные успехи, тем лучше. Надеюсь, что на дне рождения нам удастся с ним наконец поговорить откровенно. И узнать получше. Увидеть его настоящее лицо.

Человек резко встает, поворачивается к залу, его руки падают, и в тот же миг свет в комнате гаснет.

Конец третьей сцены

Сцена четвертая

Прежняя гостиная. Стол, стоящий в центре, украшен приборами и цветами. В комнате Ирена и Бранин.

Ирена. Кажется, все готово. И почему мне праздник всегда напоминает разгром?

Бранин (*подходя и обнимая*). Потому что порядок усиливает хаос. Вернее, он его обнаруживает. Взлет обнаруживает падение. А глубина – мелководье.

Ирена. Единство и борьба противоположностей. Но ведь хаос первороднее. Мне кажется, что он появился раньше порядка.

Бранин. Конечно, ты права. Только там был другой порядок. В том «раньше».

Ирена. То есть ты хочешь сказать, что порядок всегда существует?

Бранин. Ну, конечно. Просто не всегда его видно с первого взгляда.

Ирена. Предположим. А бывает ли, что порядок исчезает совсем? Когда остается только хаос. Проще говоря – везде разруха.

Бранин (*смеется*). Нет, конечно. Порядок никогда не исчезает. Просто... (*подходя к столу*) так есть хочется... просто бывает порядок в виде котлет, а бывает в виде салата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.